

-
1. Minnerup W. Pressesprache und Machtergreifung am Beispiel der Berliner Germania / Sprache im Fachismus. Frankfurt am Main, 1989.
 2. Minnerup W. Pressesprache und Machtergreifung am Beispiel der Berliner Germania/ Sprache im Faschismus. Frankfurt am Main, 1995. S. 135.

Шистеров М.В.
(Екатеринбург)

Отечественная война 1812 г.
глазами британского историка Д. Чандлера

10 октября 2004 г. ушел из жизни выдающийся британский исследователь наполеоновских войн Дэвид Джеффри Чандлер, с именем которого связаны значительные успехи британской историографии Отечественной войны 1812 года. Основной фундаментальный труд Чандлера «Кампании Наполеона», вышедший в свет уже более 50 лет назад, только совсем недавно был переведен и издан в нашей стране (1). Между тем, в этой, как и в некоторых других своих работах (2), Чандлер довольно подробно обращается к «русской кампании» Наполеона, создавая цельное полотно исторического противостояния Франции и России.

Будучи военным историком, Чандлер, тем не менее, не замыкается исключительно в рамках сугубо военной проблематики. Напротив, он почти всегда стремится представить комплексный взгляд на войну как на проблему, объединяющую чисто военные, политические, экономические, психологические и иные аспекты. Так, среди причин, приведших к войне 1812 г., он указывает на мотивы политического (нерешенный «польский вопрос»), экономического (нарушение континентальной блокады), личностно-психологического (оскорбленное честолюбие и жажда власти Наполеона) плана. Рассматривая вопросы подготовки сторон к войне, британский историк не ограничивается проблемами реформирования, формирования и снабжения абстрактных армий (притом, что эти вопросы освещаются им достаточно подробно), но стремится придать армейскому механизму «человеческое лицо». Значительное внимание уделяется дипломатической подготовке к войне Франции и России, причем Чандлер находит действия русской дипломатии более удачными. Исследует он и «геополитические» позиции сторон, при этом критикуя французского императора за распыление сил и войну на два фронта. Очень подробно британский историк рассматривает наполеоновский план войны в России, который находит страте-

гически безупречным, свидетельствующим о таланте и практичности его создателя. При этом, восхищаясь теоретической стройностью плана, предполагавшего быстрый и красивый разгром русских армий уже в приграничной зоне, он доказывает, что практическое воплощение его неизбежно наталкивалось на ряд «материальных» трудностей, среди которых особо отмечает «проблемы времени и расстояний», а также масштабы операции, исключающие личное управление «всеми частями армии» со стороны Наполеона. В результате план императора был сорван безынициативностью его исполнителей. Что касается предвоенных планов русских, то тут Чандлер исходит из тезиса о принципиально оборонительном характере войны со стороны России (даже возможное наступление русских на Варшаву рассматривается в «оборонительной» парадигме), причем автор не придает большого значения тому, было ли отступление русских армий следствием успешного наступления Наполеона или русские войска сознательно выполняли некий довоенный план, стратегический смысл которого, по мнению Чандлера, можно обозначить тезисом: уступка территории в целях выигрыша времени. Такую стратегию британский историк признает достаточно эффективной.

Численность «Великой армии» Наполеона Чандлер определяет в 655 тыс. чел. (из них 449 тыс. в первом эшелоне); им противостояли три российские армии общей численностью до 218 тыс. чел. Уклончивые действия русских армий, избегавших большого сражения и умело отступавших под нажимом превосходящих сил противника, Чандлер оценивает чрезвычайно высоко. При этом он указывает, что четкое выполнение предвоенного плана Наполеона (даже при правильных действиях русских) могло обеспечить французам победу, однако ошибки французского командования (главным образом, Жерома), недостаточная энергичность самого Наполеона и низкая мобильность «Великой армии» в целом, поставили исход кампании под вопрос. Преследование русских армий завершилось их успешным соединением под Смоленском, однако у Наполеона еще оставался шанс разгромить противника до отхода из города. Чандлер немало пишет о «Смоленском маневре» Наполеона, целью которого было решительным фланговым движением создать угрозу армии Баркляя де Толли, навязать русским сражение с перевернутым фронтом и разгромить их. Маневр не удался и, по существу, остался лишь красивой задумкой. Тем не менее, штурм города и взятие Смоленска французами Чандлер считает критическим моментом кампании. Теперь перед Наполеоном открывалось несколько альтернатив: оставаться в Смоленске на зиму или преследовать армию Баркляя? Британский историк приводит ряд доводов (как военно-стратегических, так и политических) в пользу той и другой альтернативы, при этом

справедливо отмечая, что планы Наполеона под Смоленском носят уже скорее негативный, нежели позитивный характер. Решение императора французов идти на Москву, Чандлер приписывает «инстинкту» Наполеона как война и его «военному опыту», требующему активного преследования и окончательного разгрома противника.

Отдельно следует, конечно, сказать про Бородино (3). Соотношение сил определено Чандлером следующим образом: 131 тыс. человек при 587 орудиях у Наполеона и «не менее» 120,8 тыс. человек при 640 орудиях у Кутузова. План сражения Наполеона, предполагавший прямой фронтальный удар с «тактическими диверсиями» на флангах, Чандлер считает вполне отвечающим поставленным задачам, так как Бородино должно было быть, по его мнению, сражением на измор. Именно поэтому он признает оправданным отказ Наполеона от «тонкого» флангового маневра, предложенного маршалом Л. Даву. Кутузовский план сражения анализируется менее обстоятельно. Чандлер отмечает, что диспозиция и подготовка русских войск имели выраженные недостатки, к числу которых он относит «перегруженность» войсками правого фланга при отсутствии сильного резерва на левом «неприкрытом» фланге, нерациональное расположение войск (результатом чего стали неоправданно высокие потери) и усложненную «лестницу команд». Исходя из своей концепции Бородинского битвы как «сражения на измор», Чандлер согласен признать Бородино формальной победой французов, однако вовсе не той «решающей битвой», к которой стремился Наполеон. При этом «нерешительный» исход битвы британский историк отчасти объясняет нерешительным поведением самого Наполеона (что в свою очередь объясняется нездоровьем императора), который поражал свой штаб не характерной для него вялостью и апатией. Однако, касаясь вызывающего до сих пор ожесточенные споры решения императора сохранить гвардейский резерв, Чандлер встает на позиции «апатичного» Наполеона, поясняя, что это решение было выверенным и глубоко продуманным. В конечном итоге, лишили Наполеона решающей победы не его осторожность или ошибочные решения, а «бесконечная храбрость» простых русских воинов.

Вторая часть кампании 1812 г. описывается Чандлером сквозь призму трагического отхода и гибели «Великой армии» (4). При этом британский историк не придает определяющего значения в поражении Наполеона ни московскому пожару, который, по его мнению, с военной точки зрения не имел большого значения, ни русскому климату, который хоть и сыграл важную роль на завершающей стадии войны, но все же «сам по себе» не мог привести к разгрому «Великой армии». В целом, вторую часть кампании можно было бы назвать стадией *post mortem*, поэтому и не удивительно, что Чандлер подробно разбирает только

блестяще проведенную Наполеоном операцию на Березине, стратегическим результатом которой стало спасение остатков «Великой армии», большей части офицерского корпуса и самого императора. Однако исход войны к этому времени уже давно (по мнению Чандлера, после Мала-Ярославца) не вызывал сомнений.

Войну 1812 г. Чандлер рассматривает как принципиальный поворот «в судьбе Наполеона», равно как и выстроенного им международного порядка. Во-первых, был развеян миф о непобедимости Наполеона (тезис характерный для отечественной историографии). Во-вторых, были созданы условия для освобождения «порабощенных держав» континентальной Европы. Наконец, ослабление французского военного потенциала автоматически влекло за собой сужение сферы политического влияния наполеоновской Франции. Все это в совокупности ставило под сомнение перспективы дальнейшего существования Франции как Империи.

Таким образом, в лице британского историка Дэвида Чандлера мы имеем профессиональный взвешенный взгляд глубокого зарубежного исследователя, сумевшего выйти за узкие рамки национальных стереотипов в стремлении к объективному военно-историческому анализу, создавшему яркую, исторически корректную, картину «далекой» и не слишком хорошо известной в Англии войны, изменившей вектор развития наполеоновских войн. Думается, такой подход может и должен способствовать изменению, в том числе и некоторых отечественных стереотипов, прочно увязанных с Отечественной войной 1812 г., а также нашим представлением об отражении ее в зарубежной историографии.

-
1. Chandler D.G. *The Campaigns of Napoleon*. N.Y., 1966. Русское издание: Чандлер Д. *Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя*. М., 1999.
 2. К «русской теме» Д. Чандлер обращался неоднократно, посвятив проблемам Отечественной войны 1812 г. ряд статей в сборнике «О наполеоновских войнах» (Chandler D.G. *On the Napoleonic Wars. Collected Essays*. L., 1994), а также в своем «Словаре наполеоновских войн» (*Dictionary of the Napoleonic Wars*. Ed. by D.G. Chandler. Ware, 1999).
 3. См.: Chandler D.G. *Borodino: 1812* // Chandler D.G. *On the Napoleonic Wars*. P. 192-204.
 4. См.: Chandler D.G. *Retreat from Moscow* // *Ibid.* P. 205-214.